

Старший внучок

Дождь не утихал до самого утра, и планам выступить на рассвете, разумеется, пришел конец.

Но именно это ненастье подарило воинам и беженцам, почти месяц не знавшим отдыха, день долгожданного покоя. Если прежде им удавалось поспать лишь два-три часа, то теперь люди могли позволить себе поживать до самого полудня.

Даже Сяо Жун на диво крепко выспался; сны не тревожили его, и в этом глубоком забытии он словно вернулся в беззаботное младенчество. Каждая клеточка его тела наконец-то расслабилась.

Цюй Юньме был убежден, что внезапный приступ Сяо Жуна случился от гнева на него самого. Сяо Жун же, напротив, считал, что занемог из-за несносного упрямства Великого вана: тот твердо вознамерился наступить на те же грабли, а раз так — очки удачи неминуемо поползут вниз, вот здоровье и подкосилось.

Однако оба они заблуждались. Телесное предупреждение не имело ни малейшего отношения к их размолвке. Подлинная причина крылась в том, что в далеком Цзяньнине Хуан Яньцзюн наконец-то получил послание от Цюй Юньме.

Каким бы жестоким ни слыл этот человек, как предводитель он был вполне состоятелен. Прочтя письмо, инспектор не впал в ярость и не стал принимать скоропалительных решений. Первым делом он велел позвать своего советника, дабы вместе обсудить, как быть дальше.

И сам правитель, и его мудрец в один голос сошлись на том, что это приглашение — не что иное, как «Хунмэньский пир». Всем было известно, как Цюй Юньме ненавидит сяньбийцев. Ныне же Великий ван поднял знамя высшей справедливости, величая Хуан Яньцзюна «доблестным мужем» и заявляя, что пред ликом разоренной родины всякие распри должны быть преданы забвению. Он призывал инспектора прибыть в Чэньлю, чтобы во имя императора и народа вместе обсудить поход на северных варваров.

Хуан Яньцзюн промолчал.

«Мальчишка затеял недоброе»

Однако он не мог просто ответить отказом. Цюй Юньме вознес его на пьедестал добродетели, и если он не явится, Великий ван на весь мир объявит его трусом и никчемным чинушей. Инспектор лишь начинал свой путь к власти и не мог позволить себе столь позорного клейма.

Более того, если он проигнорирует вызов и просто «прикинется мертвым», это посеет смуту

среди его собственных людей и разрушит его образ в их глазах.

Он изложил свои опасения, и советник, глубоко задумавшись, кивнул:

— Вы совершенно правы, господин инспектор. Однако в этом письме кроется еще одно обстоятельство, внушающее мне немалую тревогу.

— Какое же? — нахмурился Хуан Яньцзюнь.

Советник вздохнул:

— Вы не виделись с Чжэньбэй-ваном десять лет. Изгнав хунну, он осел на заставе Яньмэнь и за все годы не обмолвился о вас ни словом. Ныне же, едва перенеся столицу, он первым делом связался именно с вами. Помня, что вы никогда не были друзьями, а сам ван — человек самонадеянный, трудно поверить, что он ищет встречи ради старой дружбы. Очевидно, он прознал о ваших успехах, о запасах зерна и силе войска. Это письмо — не что иное, как прощупывание почвы. Его истинные намерения пугающе глубоки.

Глаза правителя округлились:

— Ты хочешь сказать, он метит на моих солдат и провиант?!

Тот покачал головой:

— Что у него на уме, мне пока не разгадать. Цзяньнин далек от Чэньлю, между ними лежат Цзиньлин и другие земли. Руки Чжэньбэй-вана пока не столь длинны.

Услышав о притязаниях на свое добро, Хуан Яньцзюнь ощутил, как всё внутри него сжалось. Хоть он и скопил немало припасов, но знал: если Цюй Юньме действительно решит ударить, ему останется лишь побросать доспехи и бежать в ночи.

Едва инспектор собрался выдохнуть, как советник продолжил:

— Пусть сейчас он не может дотянуться до вас, в будущем всё может измениться. Великий ван приметил вас, и теперь вам не удастся, как прежде, таиться в тени.

— И что мне делать? — засуетился Хуан Яньцзюнь.

Советник тонко улыбнулся:

— Не спешите. Вы ведь тоже видели Чжэньбэй-вана. Скажите, кажется ли он вам тем, кто

способен на великие свершения?

Хуан Яньцзюнь смолк.

На самом деле он и сам не знал. У Цюй Юньме была целая гора недостатков, это факт. Беда была в том, что при всей этой горе он обладал сокрушительной мощью и, что еще страшнее, воинским талантом. Еще юнцом он благодаря природному чутью обводил вокруг пальца армии Южной Юнь так, что те не могли поймать ни единого его солдата. А в смутные времена именно это имело решающее значение.

Почему в свое время так возвысился Хэ Куй? Да потому, что воевал лучше всех. Во всем мире не нашлось никого, кто мог бы одолеть его — и поднебесная досталась ему.

Когда-то Хуан Яньцзюнь скрежетал зубами от ярости, когда у него увели наложницу, но для настоящего мужа жена — дело наживное. Он оставался отпрыском клана Хуан и не ведал нужды в женщинах. Со временем та старая обида стерлась из памяти; ныне его куда больше уязвляло то, что когда-то он проиграл Великому вану. И больше всего он боялся проиграть ему снова.

Человек всегда питает страх перед тем, кто его однажды поверг. Им движет одновременно жажда мести и ужас пред новым падением.

Потеряв терпение, он отрезал:

— Если у господина есть план — говорите прямо. Я всё исполню.

Собеседник улыбнулся:

— Помните ли вы, как Чжэньбэй-ван казнил инспектора Цзиньнина?

Инспектор моргнул. Разумеется, он помнил. Услышав об этом, он трижды расхохотался и за ужином съел на две чаши риса больше обычного.

— Из-за этой казни все книжники мира отвернулись от вана, и никто не желает идти к нему на службу. Вы вполне можете поступить так же. Чжэньбэй-ван заявляет, что действует во имя высшей справедливости? Что ж, превратите эту справедливость в бесчестие. Тогда он не сможет помыкать вами, а вы добьетесь того, что он вовек не посмеет поднять головы в вашем присутствии.

Хуан Яньцзюнь слушал, затаив дыхание. Помятуя об инспекторе Цзиньнина, он первым делом подумал о том, чтобы пожертвовать своей супругой.

Пусть она притворится несчастной, и, быть может, Цюй Юньме, поддавшись жалости, снова заберет её. В конце концов, однажды это уже сработало. Если об этом прознают, репутация Великого вана будет растоптана в пыль... Беда лишь в том, что и его собственное имя после такого вряд ли останется чистым!

Дважды стать рогиносцем от одного и того же человека, причем во второй раз — по своей воле? Неужто он настолько низок?!

Инспектор тут же отверг эту мысль и изложил свои доводы советнику. Тот надолго умолк.

Наконец тот осторожно произнес:

— Почтенный инспектор, я говорил вовсе не о вашей супруге. Зачем выносить на свет дела опочивальни? К тому же это лишь вопрос частной морали, он не вызовет праведного гнева масс. Подумайте, нет ли у вас чего-то такого, что позволило бы полностью подавить его авторитет?

Хуан Яньцзюнь в недоумении уставился на него. Он долго перебирал мысли, пока внезапно лицо его не изменилось.

Вскинув взгляд на советника, он выпалил:

— Мой старший брат!

Видя, что тот наконец понял, советник лишь улыбнулся и более не проронил ни слова.

\*\*\*

Восьмого числа пятого месяца шестого года эры Шэндэ ворота Чэньлю распахнулись настежь, встречая Армию Чжэньбэй.

Впрочем, открывали их вовсе не горожане, а воины авангарда, прибывшие заранее. Истинные жители Чэньлю послушно сидели по домам, лишь в узкие щелочки окон украдкой разглядывая входящие полки.

В глазах Сяо Жуна Армия Чжэньбэй была сбродом без дисциплины, однако для местных обывателей это войско стало неожиданным благом. Солдаты не грабили дома и не притесняли народ — вещь по тем временам неслыханная.

Причиной тому было клеймо «банды беженцев», которым двор наделял армию, намекая, что это лишь сборище разбойников, готовых в любой миг сменить знамя и уйти в леса. Дабы не давать повода для насмешек, Цюй Юньме под страхом смерти запретил своим людям обижать

простых людей. Кому-то этот устав был не по нутру, но большинство безропотно подчинилось.

Десять лет назад, когда была основана Южная Юн, добрая треть жителей покинула Чэньлю. За минувшие годы половина пустующих домов обрела новых хозяев, но ныне, прослышав, что город станет оплотом Севера и может привлечь гнев южан, новая волна беженцев сорвалась с мест. На сей раз ушедших было меньше, но Чэньлю всё равно заметно опустел и притих.

Пустующие дома мало заботили Цзянь Цяо: кто бы ни был их прежним владельцем, господин Сяо распорядился внести их в реестр и распределить между прибывшими. Если же когда-нибудь законные хозяева объявятся — им выплатят компенсацию по рыночной цене.

В эти смутные дни всё стоило баснословно дорого, и лишь жильё обесценилось. Хижину под соломенной крышей можно было нанять за сущие гроши — триста-пятьсот медных монет в месяц. Бревенчатый дом обходился вдвое дороже, но и за него принимали мелкую монету. А вот за настоящие особняки под черепицей требовали уже серебро или золото: в зависимости от размера и места цена варьировалась от полутора серебряных слитков до целого золотого слитка.

Домов, чья аренда превышала бы золотой слиток, попросту не существовало — такие хоромы принадлежали лишь высшей знати, и простым смертным они были не по карману, а те, кто мог себе это позволить, предпочитали владеть, а не снимать.

Цены эти, впрочем, были весьма условны. Стоимость жизни менялась ежедневно: золото и серебро еще держались, а вот курс медных монет скакал, точно безумный. Выходя на рынок, люди первым делом спрашивали, сколько медяков дают за слиток. Если серебро дорожало, все сияли от радости, если дешеvelo — горько вздыхали.

Еще в Синьане Сяо Жун изучал рынок недвижимости, и ныне строил расчеты, опираясь на те знания. Он и не подозревал, что в Чэньлю жильё стоит куда дешевле.

Синьянь был жемчужиной Юга, а Чэньлю, хоть и считался важным городом Срединной равнины, уступал ему во всем.

Гунсунь Юань остался за стенами распоряжаться лагерем основного войска, Цзянь Цяо ушел устраивать измученных дорогой переселенцев, а Цюй Юньме с приближенными решили сначала разместиться в отведенных покоях, чтобы вечером собраться на совет.

Книжников-советников устроили просто — в здании управы инспектора. Те и не смели требовать большего. Цзянь Цяо и Гунсунь Юань загодя выбрали дома для своих семей, что прибыли отдельно.

Так что из «бессемейных» остались лишь немногие.

Сяо Жун, Гао Сюньчжи, братья Юй и, само собой, Мицзин.

Гао Сюньчжи было всё равно, где преклонить голову, потому он лишь спросил:

— А Жун, твои родные уже в городе?

Сяо Жун кивнул:

— Генерал Цзянь сказал, что они прибыли четыре дня назад. Брат его жены устроил их в пустующем доме в западной части города. Дождутся меня, и тогда решим, где осесть.

Гао Сюньчжи улыбнулся:

— Главное, что добрались в целости. Раз так, отчего бы нам не стать соседями? Присмотрим пару домиков подле управы, будем приглядывать друг за другом.

Услышав это, Юй Шаосе тут же добавил:

— Тогда и нам с братом пристало устроиться там же.

Канцлер повернулся к нему:

— Прекрасно. Вы желаете жить вместе?

Юй Шаосе не успел ответить, как младший, Шаочэн, смущенно пробормотал «угу».

Гао Сюньчжи промолчал.

«Живите на здоровье, чего краснеть-то?»

Они обсуждали это, стоя у ворот бывшей резиденции хоу. Мицзин, ступив на землю, чувствовал себя не в своей тарелке. Слово одержимый, он разглядывал пыль под ногами, высматривая букашек, и лишь через силу прислушался к разговору.

— Позвольте узнать, сколько в этом граде буддийских храмов?

Сяо Жун ответил:

— Шесть. Всего в городе шесть обителей Будды и пять даосских монастырей, но все они в

отдалении от центра, а три и вовсе на холмах. Быть может, Сын Будды на первое время устроится в управе? А когда мы возведем новый храм, с почестями переедет туда.

Мицзин кротко улыбнулся:

— Не стоит. Управа — место достойное. Где покой в сердце, там и древний храм. Я благодарю господина Сяо за доброту, но раз я вступил в мир, то не должен более заботиться о тленном.

Сяо Жун догадывался, что монах просто желает быть поближе к свите Великого вана, но не стал уличать его, лишь вежливо кивнул в ответ.

Юноша обернулся к остальным, чтобы продолжить спор о жилье, но в этот миг из ворот вышел Цюй Юньме. Ступив за порог, он услышал, как те присматривают домики подле управы.

Управа инспектора находилась в двух кварталах отсюда. Там кипела жизнь, здесь же, в резиденции, царила тишина, и жили в этих краях люди знатные и богатые.

Цюй Юньме неспешно вытирал руки платком. Послушав немного, он вскинул бровь и властно вмешался:

— К чему эти поиски? Резиденция огромна, неужто в ней не найдется места для вас? Господин Гао уже в летах, а Сяо Жун слаб здоровьем. Как я могу быть спокоен, оставив вас за этими стенами? Будете, как и прежде, жить со мной под одной крышей.

Гао Сюньчжи недовольно поджал губы.

«Надо же, вспомнил о моих летах! А когда в прошлом году отправлял меня на войну, лишь бы я под ухом не ворчал, — что-то не вспоминал!»

Сяо Жун лишь мысленно вздохнул.

«Ты часом не забыл, что я теперь тоже человек семейный?»

Юй Шаосе нахмурился.

«Нас вроде четверо было, а про меня и брата — ни слова»

Юй Шаочэн же подумал о своем.

«Да мне всё равно, лишь бы с братом быть...»

Где жить — дело пустяковое. Раз Великий ван велел, книжники переглянулись и смирились. Юй Шаочэн ныне командовал гвардией, ему по долгу службы полагалось быть при ване. Юй Шаосе, видя, что и друга, и брата «умыкнули», почтительно сложил руки, прося Великого вана выделить уголок и ему.

Юй Шаосе давно не перечил вану, и тот почти позабыл, как книжник умеет доводить его до белого каления. Одним больше, одним меньше — Цюй Юньме было всё равно, и он небрежно кивнул.

Мицзин, видя это, внезапно передумал. Он приветствовал Великого вана сложенными ладонями и молвил, что тоже желал бы поселиться здесь.

Цюй Юньме промолчал.

«Ох, как не хочется соглашаться»

Он и сам не знал, почему так: даже Шаосе, что когда-то его злил, он пустил в дом, но при виде этой сияющей, безупречно круглой лысины ему хотелось лишь одного — послать монаха куда подальше.

Прежде чем отказать, он невольно глянул на лица остальных. Все ждали его слова, и особенно Сяо Жун, чей пытливый взгляд был прикован к нему.

— ...Раз Сына Будды не смущает теснота, пусть остается, — выдавил Цюй Юньме.

«Отчего голос такой, будто он на плаху идет?» — подумал Сяо Жун.

Всё было решено. Гао Сюньчжи и прочие отправились выбирать покои, лишь Сяо Жун не двинулся с места. Великий ван обернулся и, увидев, что юноша всё еще здесь, невольно напрягся.

У Цюй Юньме уже начал развиваться тайный страх: каждый раз, когда Сяо Жун ловил его в одиночестве, дело кончалось нравоучениями. Но ведь сегодня он ничего не натворил! Неужто заминка с ответом монаху так расстроила юношу?

Он был на грани отчаяния, и это вылилось в резкую попытку защититься:

— Что я опять сделал не так?!

Сяо Жун оторопел:

— Разве Великий ван в чем-то провинился?

Цюй Юньме замер. Осознав, что попал впросак, он под насмешливым взглядом юноши выдавил:

— Чего же ты стоишь здесь? Отчего не идешь внутрь?

Сяо Жун рассмеялся:

— Видно, Великий ван и впрямь позабыл. Я жду, когда приведут лошадей. Мои родные прибыли в Чэньлю четыре дня назад. Мне нужно найти их и привести сюда, чтобы устроить на новом месте.

Великий ван просиял. После въезда в город на него навалилось столько дел, что он и впрямь упустил это из виду. В этот миг гвардеец подвел двух коней: одного для Сяо Жуна, другого для себя.

Цюй Юньме решительно отобрал поводья у солдата и, смягчившись, посмотрел на юношу:

— Я поеду с тобой.

— Что ж, воля ваша, — ответил Сяо Жун.

\*\*\*

Он не стал возражать, желая заранее представить вана старой госпоже. С таким-то скверным нравом Цюй Юньме юноша всерьез опасался: вдруг старушка ненароком разгневает его, и тот, не раздумывая, пустит в ход меч?

Бедному гвардейцу пришлось идти пешком — лишь он один знал дорогу. Сяо Жуну и Великому вану пришлось пустить коней неспешным шагом. Впрочем, благодаря этому они смогли вдоволь налюбоваться красотами Чэньлю.

Город стоял среди невысоких холмов — им было не сравниться с великим хребтом Тайхан. Чэньлю прорезали малые и большие реки; вода в них была чистой, с изумрудным отливом.

Горожане пока не знали в лицо ни Сяо Жуна, ни Великого вана. Встречая их на пути, люди лишь дивились их статье и красоте, и помыслить не могли, какие великие перемены эти двое принесут в Чэньлю и во все Срединные равнины.

Вскоре они прибыли на место. Цюй Юньме первым соскочил на землю. Он повернулся к Сяо

Жуну, намереваясь подсобить, но тот двигался куда ловчее: легко вскинул ногу и спрыгнул.

Великому вану на миг показалось, что зрение его обманывает: юноша занес ногу так высоко, что она едва не коснулась головы, а затем описал ею безупречный полукруг, прежде чем коснуться земли.

Цюй Юньме никогда не видел чертежного циркуля, иначе бы он наверняка воскликнул: «Живой циркуль!»

Ошеломленный, он замер. Сяо Жун сделал пару шагов и с недоумением обернулся:

— Великий ван?

Придя в себя, тот хмыкнул. Юноша еще раз взглянул на него и, решив, что всё в порядке, зашагал к дому.

Великий ван шел следом, сверля взглядом спину Сяо Жуна. И тут его осенило открытие, повергшее его в трепет. Юноша был ниже его на три с половиной цуня. Но ноги его были такой же длины, как и у самого вана. Выходило, что туловище Великого вана было на три с половиной цуня длиннее.

Отчего-то, едва решив эту задачку, лицо его вмиг позеленело.

Он не был из тех мужей, что пекутся лишь о красе лица, и всегда презирал подобных людей. Но сейчас его охватило странное чувство неловкости, которое он поклялся скрыть от всего мира.

Погруженный в эти думы, он и не заметил, как они вошли в дом. Жилище было тесным. Узнав, что Армия Чжэньбэй вошла в город, А Шу еще с утра собрал всех внизу. Стоило Сяо Жуну переступить порог, как Сяо И в волнении вскочил, но не бросился навстречу, а судорожно затряс бабушку за руку:

— Бабушка, смотри! Брат вернулся! Это же старший брат! Бабушка, ты ведь каждый день о нем твердила, посмотри же, это он?!

Настоящий брат Сяо И ушел странствовать в десять лет и за восемь лет ни разу не навестил дом. Сяо И, когда подрос, один-единственный раз нашел его. Что же до старой госпожи, Чэнь Шэюй, то она и впрямь не видела своего старшего внука долгих восемь лет.

С тех пор как они встретились, Сяо И раз за разом указывал ей на Сяо Жуна, вдалбливая, что это и есть её внучок. Старушка слушала в полном замешательстве, но в конце концов поверила мальчику. Однако за те девять месяцев, что прошли в пути, она снова начала всё забывать. Благо Сяо И каждый день напоминал ей: старший брат — первый красавец, зовут его Сяо Жун.

Девять месяцев трудов не прошли даром: Чэнь Шэюй начала вспоминать, что у неё есть внук. Глядя на вошедшего, она внезапно залилась слезами.

Сяо Жун замер, с тревогой глядя на неё. Старушка, рыдая, бросилась вперед.

— Жун-эр! Мой милый Жун-эр!

С надрывным криком она мертвой хваткой вцепилась в стоящего позади Цюй Юньме.

Сяо Жун промолчал.

Остальные присутствующие тоже не проронили ни слова.

Что ж... Как ни странно, видя, что старушка обозналась, все вокруг почувствовали: вот теперь всё встало на свои места.

<http://bllate.org/book/15355/1422151>